

НОВЫЙ РУССКИЙ ВРАГ

«Святая»

И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ

Вам приходилось видеть вполне взрослого уже малыша, расхаживающего по улице с пустышкой во рту? «Отдай соску!» — «А-а-а!!!» — «Ну на, на, успокойся только!». Тяжело расставаться с привычными вещами. Падение коммунизма и распад СССР стали тяжелой потерей для... американского кино. Как же так!? Кто же теперь будет шпионить в пользу тоталитарного режима, противостоящего американской демократии, с кем будут бороться легендарные фэбээровцы, цээршники, и от кого, простите, защищать мирный сон американского президента?! А-а-а!!!

«Миссия невыполнима»

ДЕФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДА

НА НОВУЮ РОССИЮ

Несколько лет ушло на метания в поисках выхода. Риску попустить себе, как представителю России, и нарисовать такую картинку. Политики, бизнесмены и деятели культуры США валом валят в Россию. В самом Голливуде режиссеры и сценаристы просматривают километры если не художественных, то по крайней мере хроникальных фильмов. Пытают своих коллег и знакомых, вернувшихся из России: «Ну как там, что?». Должно же быть что-то, что усложнит орущего малыша новой пустышкой. И, наконец, в результате многолетних поисков ответ найден — длинные руки Москвы сменились длинными руками русской мафии.

Знаете, что может быть страшнее русского коммунизма? Русская демократия.

Новая русская красавица предстала перед устремленными на нее жадными взглядами в виде хаоса базарных лотков, бастующего, растерянного населения, политических экстремистов. Надо отдать должное и нашим проницательным кинематографистам, которые наперебой кинулись пугать российское и мировое общество неприглядной «реальностью». Новая идеология, порождаемая волной отечественной чернухи, провозгласила оружие и деньги не средством выживания, но средством власти. Потребовалось еще немного времени для того, чтобы творцы американской кинофилософии успели осмыслить степень ужасности предлагаемого им материала и с трепетом вождения понять, какое же «богатство» обрушилось на изголодавшийся по русской угрозе Голливуд.

Ведь именно хаос российской демократии выпустил на волю иррационально жестокие, деструктивные силы. «Миссия невыполнима» (1996), «Шакал» (1997), «Святая» (1997), «Красный след» (1997), «Самолет президента» (1997) — наиболее известные ростки российского криминала на плодородном грунте американского кино. Правда, на данный момент фильмы указанной обложки напороли еще не спевшийся хор мальчишек, слишком уж разнятся их страхи и упреки, но это вопрос времени, и недалек тот день, когда мировая общественность задумается, а не вести ли против России какие-либо санкции на экспорт агрессии.

Многие, конечно, скажут: «Ну, подумаешь, нашли американцы очередную игрушку. Что нам на них смотреть? У нас своих проблем хватает». Нет, господа, мы просто не можем так легкомысленно относиться к своему отражению в чужих глазах! Американское кино смотрят не только в США, но и в Европе, Австралии и в том числе в России. И нам никак не избежать выяснения отношений. Обидно, что в наших рядах согласия нет. Одни возмущаются: «Ну как же так! Снова угроза с Востока! Ну сколько можно! Мы же, в натуре, мирные люди!». Другие отмахиваются: «Да все нормально. Радоваться надо. Нас же всерьез воспринимать! Уважение нам выказывают, «невольное» впрочем». («Видео Асс», 37 (2), 1998, «Верните врагов на экран», Сергей Кураев).

Хорошенькое уважение! Немолодой американский президент в самолете в кулачном бою побеждает профессионального русского террориста («Самолет президента»)! Представьте-ка нашего президента в такой потасовке. Или уважение заключается уже в том, что само первое лицо государства о бандиру руки марает?

Вот и Валерий Тодоровский на Берлинском фестивале возмущается. «Если бы, — говорит, — я снял фильм про детский садик, и то меня бы спросили, какая группировка этот садик контролирует». А сам? Еще несколько лет назад в российский кино главной проблемой было не как человека убить, а куда труп деть. У самого же Тодоровского в «Подмосковных вечерах» закапывают ведь в лесу несчастного мужа, как будто и не приезжал он вовсе (можно, впрочем, объяснить это уважением к классическому

«Шакал»

сюжету). А уже в «Стране глухих» перестреляли одни бандиты других в каком-то ангаре и ушли спокойно, что называется, посуду за собой не убрав. И ничего.

Зря вы думаете, что коммерческое американское кино, говоря о России, совсем к правде не стремится. Они-то мастера сказки сочинять и, как никто другой, знают, насколько важно ложку «правды» в бочку вымысла вылить, чтобы никто и не усомнился, что перед ним действительно Россия. Куда уж проще «Красного следа» Тибора Такача, но даже здесь в сцене перестрелки на лестнице некоего административного здания, символизирующего замкнутое, разращенное, тесно связанное криминально-политическими интересами новое русское общество, покатыся вниз брошенная детская колбасочка, подпрыгивая на ступеньках (для молодых-зеленых даю подсказку: см. фильм Эйзенштейна), и упадет перед камерой задавленный старичок в пенсне. Мол, не сомневайтесь, уж такую Россию показываем, ни один русский вам лучше не покажет!

Отодвинем немного в сторону кассовый «Самолет президента». Все-таки Ваня Коршунов (а имя-то какое!) не просто так решил президенту Маршаллу силу свою показать. У него цель высокая, почти как у космонавта, он своего патрона — шовинистического генерала Радека — из московской тюрьмы вывозит. Можно даже поспорить, что здесь он по-своему прав. С другой стороны, президент Маршалл — мужчина видный (Харрисон Форд) и сам за себя постоит и демократию защитит. А вот что было бы, окажись президент женщиной? Насколько низким, подлым и беспринципным оказался бы тогда российский преступный мир.

Сами понимаете, он (российский преступный мир) на мелочи не разменивается. Если уж мстить за смерть на московской дискотеке брата «крестного отца», то не чем иным, как убийством шефа ФБР («Шакал»). Однако исполнитель задуманного оказывается еще более беспринципен и мерзок. Его цель — убить милую и очаровательную первую леди США. (Вот кого пригрела на груди российская преступница!)

В США обидеть женщину — это не просто неджентльменское поведение. Это мужской шовинизм, преступление против национальных интересов, подрыв устоев и вообще черт знает что такое. Трешечи, прогрессивное человечество!

Только трепещут не они, а мы сами, и успокаивать нас, к сожалению, кроме нас самих, некому. Потому что вполне уже взрослый заокеанский бэби мусолит в свое удовольствие слегка обновленную, но от этого не менее банальную пустышку, ощущая свое непоколебимое превосходство.

Очевидно именно последнее и породило ростки обиды, пробивающиеся все же сквозь корку великодержавного

самодовольства: мол, ну их, американцев! Им лишь бы пугало найти, а вообще-то они ничего не понимают, Пушкина не читают и России с Казахстаном путают. Но задели все-таки за живое обугие московские пейзажи и соседа Филиппа Нойса. Ну почему, если Москва, то автомобили моделей 50-х, темные улицы от непроходящего энергетического кризиса и бандитский концерт «Третьякнефтегаз», глава которого готов заморозить весь народ с единственной целью — пробиться в президенты? Ну почему, если шикарный джип, то в нем обязательно бандит, и под сиденьем у него склад вооружений? Даже обидно как-то за наших богатых. К тому же отечественная чернуха уже порядком всем поднадоела и не радует даже отпетых мизантропов. Плюс ко всему, очевидно, напились, наелись новые богатые и призадумались. Собственно говоря, если деньги на кино давать, то, наверное, не для того, чтобы себя там пугалами видеть. И почему, собственно, если богатый, то плохой? Очень это не способствует установлению социального мира и спокойствия, так необходимого для дальнейшего прироста и упрочения нажитого богатства.

И вот, развеивая напрасные страхи и окрашивая жизнь во все цвета радуги, вкатывается в нашу жизнь, мягко шурша колесами, некто Пупков, честным и тяжким трудом наживший за пять лет достаточно средств, чтобы покупать самолеты, строить роскошные виллы, реставрировать старинные особняки и поражать размахом нищую аристократку («Принцесса на бобах»).

Крякнуло что-то в кинематографическом сознании, чуть треснула скорлупка привычных стереотипов, и проклюнулась вдруг оттуда очень даже традиционная российская мыслишка: «А ведь это наши богатые! По тем же самым улицам ходят, тем же воздухом дышат и, что характерно, на том же языке разговаривают! Так, может, и вовсе они не бандиты, а если даже и бандиты, то честные, нежные, совестливые и порядочные».

Две милостивые девишечьи в солнечных деньках взяли чужую ракетницу и отправились раздобыть немного денюжат. Одним ловким выстрелом в стену подъезда до полусмерти наугади бывшего бандита, замученного угрызениями совести и задумавшегося о смысле жизни, в результате чего он дал денег и едва ли не пролил слезы умиления («Мама, не горюй!» Максима Пежемского).

Мы же на самом деле вовсе не страшные, мы так друг друга любим! Помилуйте, ну разве будем мы топорами друг другу черепа рубить («Шакал»), когда у нас такое полное взаимопонимание. Ну, замучила бандита Рената непонятная питерская жизнь, он устал, он домой хочет к брату Канату, к маме, к отарам. «Хороший ты человек, Ренат!». («Мама, не го-

«Самолет президента»

же иначе? Их так много объединяет, вместе ведь по афганским горам ползали.

Вот в чем у нас с Голливудом полное согласие, так это в трепетном отношении к девушкам легкого поведения! Сколько раз любвеобильные представительницы прекрасного пола оказывались посланницами доброй воли. Именно Марина К. станет верной спутницей в неординарных приключениях Джона Уайда в стране победившего криминала («Красный след»), и не кто иной, как русская жрица любви спасет жизнь Симона Теллерской жизни, он устал, он домой хочет к брату Канату, к маме, к отарам. «Хороший ты человек, Ренат!». («Мама, не го-

ей не надо, даже мужской благодарности! И уж, разумеется, потянется к мистическому неуловимому морячку простая русская девушка Марина (никакого собственного мнения!), которая так всех любит: и сожителя своего Гришу, и соседку космонавта, и красавицу Артура, и норильских бандитов просто потому, что люди они хорошие, без понтов.

Правильный ход, бей врага его же оружием. На их мифологию ответим своей. Пускай Шакал испытывает новое оружие на своем ненужном больше помощнике, а Странные мы все-таки люди! Нам говорят: «Мафия», а мы: «Ну какая же это мафия, свои ведь все люди». Нам говорят: «Бандиты», а мы: «Но он же добрый, несчастный». Нам говорят: «Первичное накопление капитала в белых перчатках невозможно», а мы: «Возможно, возможно, у нас в России все возможно». Непоколебимый народ!

Как мне это все напоминает первые телестелюсы с Америкой. Нас спрашивают: «А как у вас с сексом?», а мы: «В СССР секса нет». Нет, и все.

Дартный американский орнамент, так антиутопия получается в лучших классических традициях. А мы скажи о добрых бандитах и треплетных богатеях рассказываем.

А на фестивали всемирные что везем? На первый взгляд, такая светлая идея «Страны глухих» при более тщательном рассмотрении мало чем отличается от смысла существования пресловутого Белого Братства. Перестреляют криминальные группировки друг друга, развеется по ветру пороховой дым, уйдет в небытие предатель Аляша, и останутся на белом свете любящие, верные и ... *убогие*. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Небесное, господа хорошие, не земное...

Вернемся все же к делам земным. Как ни велик соблазн замкнуться в себе, снимать для своих и плевать в океанические течения, авось когда-нибудь доплывет до берегов наших обидчиков, а выяснять отношения с Америкой нам все-таки придется. Слишком большая мы страна и слишком далеко зашли в деле привлечения к себе внимания, чтобы теперь сосредоточиться на ковырянии собственных болячек. Давайте не будем однозначно отшвыривать опыт советской идеологии, в которой на каждого советского разведчика у них приходился американский шпион у нас.

Господа предприниматели, дающие деньги на кино, если голливудские кинодельцы и дальше будут залгивать доверчивый Запад, то очень скоро в Россию никто и деньги вкладывать не захочет. Надо уметь вовремя остановиться. Да и обидно, в конце концов — они нас поливают, как хотят, а мы молчим и, как Василий Блаженный, очи горе возводим. Уважаемые господа сценаристы, хватит работать над созданием образа деградировавшей России, напишите лучше что-нибудь антиамериканское.

Например, один американский банкир решил вложить деньги в крупное российское предприятие и вдруг узнает, что другой немецкий банкир также имеет виды на это предприятие. И призывает американский буржуй к себе молодого, бедного (но гордого) русского режиссера и говорит: «Сними мне, Ваня, фильм о том, как у вас все плохо. Я тебе хорошо заплачу». Но русский Ваня не так-то прост, он знает, что банкир Джон хочет этот фильм банкиру Гансу показать, чтобы тот испугался и от инвестии в Россию отказался. И снимает Ваня такой страшный фильм, что сам Джон умирает от разрыва сердца прямо на просмотре, а Ганс, еще не зная об этом, предлагает российскому предприятию кредит на более выгодных условиях.

Пусть знают наши!